

Методология и история экономической мысли. История экономики

РЕЗУЛЬТАТЫ И УРОКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИСТЕМЫ ГУЛАГА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Дробышевская Татьяна Александровна

кандидат экономических наук, доцент

МГУ имени М. В. Ломоносова, экономический факультет

(г. Москва, Россия)

Аннотация

Сегодня, в условиях ограниченности предложения на рынке труда и на региональном уровне, и с трибуны Государственной Думы раздаются предложения по использованию труда заключенных в народном хозяйстве. В этой связи представляется важным вернуться к изучению исторического опыта нашей страны. В предлагаемой работе дается комплексный обзор результатов изучения последствий использования принудительного труда в рамках экономической системы ГУЛАГа в современной научной литературе. Автор аргументирует вывод о том, что краткосрочные результаты, достигаемые путем использования принудительного труда, чреваты на поколения растянувшимися негативными последствиями, трудно преодолимыми и тормозящими дальнейшее устойчивое развитие.

Ключевые слова: принудительный труд, последствия, историческая перспектива.

JEL коды: N300, O140, J230.

Для цитирования: Дробышевская Т.А. Результаты и уроки использования системы ГУЛАГа в исторической перспективе // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2023. Том 15. Выпуск 4. С. 22-34. DOI: 10.38050/2078-3809-2023-15-4-22-34.

Не однажды в отечественной истории в сложной ситуации государство брало на себя право распоряжения ресурсами страны независимо от формы собственности. Более того, у нас существует богатая традиция распоряжения и людскими ресурсами в форме принудительного труда. Начиная с петровских времен, получает распространение использование труда заключенных (принудительного труда) на государственных предприятиях и строительных работах. Но максимального масштаба использование принудительного труда достигает в условиях ГУЛАГа¹.

Дробышевская Т.А., e-mail: tdrobyshevskaya@yandex.ru

¹ 11 июля 1929 г. СНК СССР принял постановление «Об использовании труда уголовно-заключенных», по которому содержание всех осужденных на срок три года и более передавалось в ОГПУ. 25 апреля 1930 г. приказом ОГПУ № 130/63 во исполнение постановления СНК СССР «Положение об исправительно-трудовых лагерях» от 7 апреля 1930 г. было организовано Управление исправительно-трудовых лагерей ОГПУ (УЛат ОГПУ) (СУ СССР. 1930. № 22. С. 248). С 1 октября 1930 г. УЛат ОГПУ преобразовано в Главное Управление исправительно-трудовых лагерей ОГПУ (ГУЛАГ). 27 октября 1934 г. в ГУЛАГ перешли все исправительно-трудовые учреждения Наркомата юстиции РСФСР.

Дешевый или вовсе бесплатный труд заключенных позволял государству экономить финансовые и материальные ресурсы, обходить ограничения, связанные с инертностью нормы накопления, с тяжелыми условиями и непривлекательностью определенных видов труда, с географическим распределением ресурсов, внося свой вклад в решение задачи модернизации национальной экономики. Сегодня, в условиях крайней ограниченности и, к сожалению, сокращающегося предложения на рынке труда, на региональном уровне и с трибуны Государственной Думы раздаются предложения по использованию труда заключенных в народном хозяйстве. Разумеется, этот вопрос заслуживает тщательной проработки и обсуждения. При этом важно, на наш взгляд, извлечь максимум из исторического опыта нашей страны.

Оценка последствий использования принудительного труда в экономике получила широкое распространение в научной литературе конца XX – начала XXI в., как в нашей стране, так и за рубежом. Интерес ученых к этой проблематике обусловлен целым рядом факторов.

Открытие в 1980-х гг. архивов СССР и доступность ранее неизвестных материалов по истории и экономике ГУЛАГа позволили расширить спектр работ по экономической истории как отдельных лагерей и территорий, так и системы в целом (Иванова, 2006). Кроме того, новые данные, в том числе, инициировали поток работ, посвященных изучению аналогичных систем в европейских странах социализма (Езерник, 2018), а также дали толчок и развитию теории социалистической экономики в целом (Гайдар, 1997; Олейник, 2001; Markevich, 2011). При этом стоит отметить, что исследование проблематики ГУЛАГа выступает лишь частью исследования более широкой проблематики принудительного труда в советской экономике, включающего в себя анализ вклада и последствий коллективизации и использования труда ущемленных в своих правах жителей деревни для становления и развития экономики страны, а также другие формы огосударствления труда (законодательство 1930–1940-х гг., ограничивающее возможности смены места работы, предусматривающее наказания за опоздания и прогулы, и т. п.)² (Нуреев, 2012, с. 128–129). По сути, развитие теории социалистической экономики в данном направлении вливается здесь в общее русло современной экономической теории развития. Неудивительно в данной связи, что исследование проблематики использования принудительного труда (лагерных учреждений различного типа: исправительные, для перемещенных лиц, вынужденных переселенцев и т. п.) для решения экономических задач получило международный резонанс на рубеже XX–XXI вв. (Gershman, 2013; Wu et al., 2018).

Проблематика ГУЛАГа рассматривается в рамках различных научных парадигм и методологий. Как правило, в качестве основы для систематизации выступают такие стержневые понятия, как численность заключенных, география ГУЛАГа, система управления,

В 1936 г. были сформированы Инженерно-строительный отдел НКВД, Управление особого строительства, Главное управление строительства шоссейных дорог (ГУШОСДОР), потом Главное управление по строительству горно-металлургических предприятий, Главгидрострой, Дальстрой (Главное управление строительства Дальнего Севера) и др. В целом за время существования ГУЛАГа в нем было до 35 главков и сотни лагерных пунктов, включая так называемые «шарашки» (закрытые КБ). Интерактивную карту ГУЛАГа можно посмотреть на страничке Музея истории ГУЛАГа (<https://gmig.ru/projects/karta-gulaga/>) (дата обращения: 20.09.2023).

ГУЛАГ был расформирован в соответствии с приказом МВД СССР № 020 от 25 января 1960 г. согласно Постановлению Совета Министров СССР № 44-16 от 13 января 1960 г. и в связи с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 января 1960 г. «Об упразднении МВД СССР».

Согласно оценкам исследователей, через систему ГУЛАГа прошли не менее 5 млн человек.

² С этим, в частности, связаны и различия в оценке количества граждан СССР, пострадавших в годы репрессий.

обзор отраслевой структуры, этапы развития. Однако изучение экономики принудительного труда органично вошло в общую тенденцию изучения экономических процессов в их взаимосвязи с предметами других наук. Так на рубеже социологии и институциональной экономики исследования в этой связи охватывают широкое поле от непосредственно депривации и стратификации (Земсков, 1991; Round, 2006) до культурных кодов и урбанистики (Олейник, 2001; Barenberg, 2014; Siddiqi, 2022). В отечественной и зарубежной научной литературе представлены культурологические, этнографические, демографические и гендерные исследования, пространственный анализ, анализ психологических и политических процессов (Round, 2006; Zhukov, Talibova, 2018; Carluccio, 2019; Maksimova, 2019). В отечественной и западной историографии предпринимались попытки обзора и систематизации накопленного массива работ по экономике ГУЛАГа (Грегори и др., 2008; Бердинских, Меньковский, 2017; Кириллов, 2017; Ахметова, Исмаилов, 2021).

Таким образом нереализованной, на наш взгляд, остается задача комплексного анализа информации о влиянии использования принудительного труда на социально-экономическое развитие страны в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе. В предлагаемой статье будут рассмотрены положительные и отрицательные последствия существования масштабной системы принудительного труда в народном хозяйстве СССР.

В краткосрочной перспективе можно было бы выделить следующие положительные результаты существования системы ГУЛАГа: реализация конкретных проектов (строительство новых предприятий, развитие транспортной инфраструктуры, освоение месторождений и рост добычи полезных ископаемых), увеличение экспорта сырья и материалов.

Отрицательным последствием уже на этом этапе, становится избыточная смертность. Согласно приводимым В.Н. Земсковым данным, смертность среди заключенных ГУЛАГа в 1937–1938 гг. в лагерях составляла 5,5–5,7% к годовому контингенту (Земсков, 1991, с. 9).

В среднесрочной перспективе – период существования системы ГУЛАГа (до 1960 г.) – влияние существования системы ГУЛАГа на социально-экономическую ситуацию в стране становится все более системным (Barnes, 2011) и проявляется в полной мере.

Концептуально традиция изучения принуждения населения государством как фактора, стимулирующего и одновременно накладывающего ограничения на ход модернизационных процессов, сформировалась еще в середине XX в. Значительную роль в этом сыграла классическая работа А. Гершенкрона «Экономическая отсталость в исторической перспективе», впервые опубликованная в США в 1952 г.

Применительно собственно к истории ГУЛАГа в рамках данного направления в центре внимания исследователей находятся следующие вопросы:

- замещение недостающих ресурсов (прежде всего капитала) в логике теории догоняющего развития А. Гершенкрона (Гершенкрон, 2002);
- роль государства в выборе приоритетов развития: соотношение развития первого и второго подразделений; роль ВПК; инвестиции в производство – с одной стороны, и в инфраструктуру и объекты социальной сферы – с другой (Ofer, 1987);
- проблемы качества и мотивации рабочей силы.

Традицию, заложенную А. Гершенкороном, развивает, в частности, Гур Офер, а затем Е.Т. Гайдар (Гайдар, 1997). Среди особенностей советской инвестиционной модели Гур Офер

обращает внимание на ориентацию на повышенные темпы введения в строй промышленных предприятий, в ущерб созданию инфраструктуры как социальной, так и транспортной (Ofer, 1987, p. 1807). Сохранялась отмеченная еще А. Гершенкроном как особенность догоняющей модернизации концентрация высоких технологий на стратегически важных крупных предприятиях и ключевых производственных процессах, прежде всего в ВПК, где коэффициент капитал/труд оказывался выше «нормального», в то время как в сельском хозяйстве это соотношение становилось ненормально низким. В итоге и в целом по экономике соотношение капитал/труд оставалось низким (Ofer, 1987, p. 1807). Неразвитость инфраструктуры в свою очередь приводила позднее к созданию «бутылочных горлышек» (узких мест) в развитии экономики. Гур Офер подчеркивает, что одним из проявлений подробной инвестиционной политики стал относительно низкий уровень урбанизации. Низкая капиталоемкость труда в деревне позволяла снизить миграцию из деревни в город и соответственно расходы на необходимую городскую инфраструктуру. Наконец, политика экономии на миграции из деревни в город позволяла ограничить потребление и снизить ожидания населения в отношении роста потребления (Ofer, 1987, p. 1807).

Г. Офер пишет об ограничениях на перемещение населения из сельской местности в города, и прежде всего, в крупные города, имея в виду колхозников, а не заключенных ГУЛАГа. Но аргументы Г. Офера приобретают новое звучание применительно к проблематике ГУЛАГа. Возможность использовать труд заключенных и ограниченных в правах людей позволила минимизировать расходы на создание инфраструктуры и потребление значительной части населения. И, на наш взгляд, снижение ожиданий населения относительно уровня и качества жизни неоправданно недооценивается. Постоянная угроза ухудшения ситуации, привычка к тяжелым условиям жизни (подкрепленные идеологической установкой на жертвы во имя будущего) тормозили потенциальный спрос со стороны населения не слабее, а возможно даже сильнее, чем дефицит товаров и услуг, и деформировали систему стимулов в экономике в целом.

За счет сдерживания роста цены труда и платежеспособного спроса населения увеличиваются ресурсы в распоряжении государства. Однако в целом качество продукции ГУЛАГа и производительность труда низкие, требуются государственные дотации.

Конечно, философские и этические взгляды авторов имеют значение, но оценки результатов и последствий использования труда заключенных и ограниченных в своих правах лиц стремятся к деполитизированности: ученые опираются на богатый статистический материал, используют современные методы анализа – как нарративного, так и количественного. Одно из свидетельств стремления к объективности – признание, в том числе, и положительных последствий существования системы ГУЛАГа. В частности, речь идет не только о преодолении инертности нормы накопления и освоении труднодоступных месторождений в короткие сроки (что позволило подготовиться к войне), но и о культурном развитии территорий, практически культурной революции. Так Л.А. Максимова в своих работах, посвященных северо-западному региону (Максимова, 2005; Maksimova, 2019) обращает внимание на модернизационный эффект – местные народы вовлекаются в общение с большим миром. В результате насильственных миграций Республика Коми стала многонациональной, произошли взаимопроникновение культур (в частности, с немцами и поляками, которых выселяли целыми семьями и деревнями), обмен хозяйственными практиками. Переселенцы и заключенные, остававшиеся на поселение, внесли огромный вклад в развитие просвещения, помощь в зарождение профессионального искусства и

профессионального медицинского дела в республике, а также в грамотное освоение и развитие природных богатств. Архитекторы ГУЛАГа оказали сильное влияние и на формирование облика бывших лагерных столиц: Воркуты, Ухты, Инты, Печоры. Некоторые из них продолжали осуществлять проектирование объектов в городах Республики Коми вплоть до 1980-х гг. (Максимова, 2005; Maksimova, 2019). Аналогичная картина складывалась и в Магадане, Караганде и т. д. При этом культурное обогащение шло в обе стороны – местное население делилось своим опытом и культурными техниками, а новые проблемы давали толчок к развитию новых направлений науки, таких, например, как исследование свойств мерзлоты³.

К несомненным отрицательным последствиям исследователи относят не просто нарушение нормальных механизмов демографического развития (изменение половозрастной структуры населения), но разрушение социального капитала.

Р.М. Нуреев подчеркивает наличие широких слоев маргинального населения в СССР, к которому относятся и разнообразные неполноправные слои рабочей силы (в том числе, зеки) и люмпенизированное население деревни и города (Нуреев, 2012, с. 132). На наш взгляд, речь идет о целом ряде взаимосвязанных, но различных проблем. Прямыми потерями государства, с нашей точки зрения, можно считать неквалифицированное использование квалифицированной рабочей силы⁴. Запрет на получение высшего образования членам семьи «врагов народа», на проживание в городах, возврат к профессии⁵ даже после окончания срока заключения, даже на распространение информации о лагере – все это и создавало среду для люмпенизации, формирования сознания депривации, безысходной ущербности (Round, 2006).

Р.М. Нуреев последовательно рассматривает снижение трудовой дисциплины и социальную апатию как результат отчуждения работающего населения от собственности на средства производства, невозможности принимать реальные решения по поводу своего участия в процессе производства (определять место работы, влиять на ее характер, уровень оплаты) (Нуреев, 2012, с. 128–129), что в свою очередь ведет к снижению качества труда и эффективности производства в целом.

Создаются условия для атомизации географического и социального пространства. Параллельно существуют несколько моделей жизни и социально-экономических укладов внутри государства: доступность материальных благ определяется местом жительства, принадлежностью к бюрократическому аппарату, определенной профессии и т. п. Пронизывающая общество атмосфера секретности, даже когда уже «тройки» уходят в

³ Результаты исследований заключенного БАМЛАГа П.А. Флоренского на опытной мерзлотной станции в Сковородино (Рухлово), уже после его расстрела, легли в основу книги его сотрудников Н.И. Быкова и П.Н. Каптерева «Вечная мерзлота и строительство на ней» (1940).

⁴ Не секрет, что видные советские ученые прошли не только через «шарашки», но и через лагеря ГУЛАГа. Так, Сергей Павлович Королев – главный конструктор первых советских космических ракетных аппаратов – в 1933 г. в 26 лет был назначен заместителем директора Реактивного института, в 1938 г. был отправлен на Колыму, болел цингой, чудом остался жив, в 1940-м переведен в спецтюрьму («шарашку»). Королев умер в 60 лет. С его смертью закончилась советская лунная программа.

⁵ За период с 1934 по 1941 г. удельный вес лиц с высшим образованием (среди заключенных) возрос в три раза, а со средним – почти в два раза. Столь значительное увеличение удельного веса заключенных с высшим и средним образованием произошло несмотря на одновременный рост численности лиц с низшим образованием, малограмотных и неграмотных. Например, численность малограмотных среди лагерных заключенных возросла с 217 390 в 1934 г. до 413 122 в 1941 г., т. е. почти в два раза, но их удельный вес в общем составе заключенных ИТЛ за этот период понизился с 42,6% до 28,3%. Численность же заключенных с высшим образованием увеличилась за 1934–1941 гг. более чем в восемь раз, со средним – в пять раз, что обусловило возрастание и их удельного веса в общем составе лагерников (Земсков, 1991).

прошлое, наложенная на травмирующий опыт репрессий, консервируют проблему недоверия граждан к государству и друг к другу.

Наконец, необходимым последствием ситуации, когда значительная часть граждан проходит через лагерь, имеет опыт общения с уголовниками, видит преимущества принадлежности к более организованному, сплоченному и в этом смысле более надежному уголовному миру лагеря, становится криминализация населения. И заключенные, и «лагерные кадры» транслировали субкультуру насилия, сформированную в лагерном мире на семью, на общество в целом (Кузьмина, 2004; Barenberg, 2014). А невозможность для подавляющего большинства заключенных по завершении срока вернуться к нормальной жизни лишь укрепляет данную тенденцию.

Другое направление криминализации – коррупция и приписки, которыми занималось лагерное начальство под угрозой наказания при низкой эффективности труда (Barenberg, 2014). Размывание общественной морали, отчуждение населения от государства, от законности и порядка ведут к росту теневой экономики, а также к развитию общепринятой практики нарушения правил и законов на бытовом уровне.

В более широкой перспективе исследователи обращают внимание на «конгруэнтность институциональных структур тюремного сообщества и российского социума» (Олейник, 2001, с. 42), опираясь на определение тотального института как «места проживания и работы большого числа индивидов, находящихся в аналогичной ситуации, оторванных от внешнего мира на длительный период и ведущих совместную жизнь, все аспекты которой подвержены эксплицитному контролю» (Goffman, 1968, p. 41). С одной стороны, изолированность советских людей от мирового сообщества схожа с изолированностью заключенных от жизни окружающего мира. Как внутри, так и вне ГУЛАГа практически отсутствует приватность, нет частного пространства в жизни человека, каждый даже личный вопрос становился достоянием коллектива. С другой стороны, для населения ГУЛАГа декларируемая цель, так же как и для всех советских людей, построение нового общества: заключенные реально трудятся над реализацией заданий пятилетних планов.

Современные методы и инструменты анализа позволяют фиксировать взаимосвязи между использованием подневольного труда в советскую эпоху и современными социально-экономическими и институциональными проблемами, взаимосвязи, продолжающие существовать в долгосрочной перспективе – долгое эхо.

Глобальное потепление отчасти позволяет надеяться на облегчение давления северного завоза, но повышает угрозу техногенных катастроф в результате таяния вечной мерзлоты, что опасно не только для промышленности и трубопроводного транспорта, но и для городской инфраструктуры таких крупных городов, как Норильск (более 175 тыс. жителей)⁶. Огромных средств и времени потребовали и продолжают требовать переоснащение очистными сооружениями и восстановление разрушенных в годы существования системы ГУЛАГа природных экосистем⁷.

Последствия экономии на развитии инфраструктуры и недопотребление населения выступают в ряду ключевых проблем адаптации национальной экономики к вызовам

⁶ Подробное рассмотрение политических, экономических и собственно географических факторов, оказавших влияние на экономическую географию России и современные проблемы в этой связи см.: (Markevich, Mikhailova, 2012).

⁷ Примеры варварского отношения к экологическим проблемам см., например: (Бердинских, 2014, с. 74).

современного момента. Инфраструктурные проблемы (от плотности до качества путей сообщения) тормозят реструктуризацию экономики и переориентацию экспортно-импортных потоков. Стремление экономить в ожидании худшего и поколениями воспитанная неготовность тратить на себя («финансовая анорексия») вкупе с недоверием к государству и банковской системе ведут к недоинвестированности экономики.

Низкий уровень доверия населения к государству и друг к другу, на наш взгляд, отчасти объясняет и высокий уровень толерантности к обману и выступает одним из неформальных институтов, тормозящих экономическое развитие. В этой связи опасно, что высокий уровень толерантности к нарушению правил и обману, как показали исследования среди студентов, проявляет молодежь.

Интересно, что отношение исследователей к феномену недоверия граждан друг к другу, с одной стороны, и к государству, с другой стороны, неоднозначно. Соглашаясь, что недоверие ведет к формированию социальной апатии (нежелание из соображений безопасности участвовать в какой-либо гражданской или политической деятельности, неверие в возможность реальных изменений), ученые, тем не менее, обращают внимание на стабилизирующую роль социальной апатии. В частности, Ю.А. Левада подчеркивает, что «недоверие ко всем институтам и силам предполагает отказ от активных действий в пользу кого бы то ни было, а значит, становится фактором неустойчивого общественного баланса» (Левада, 2000, с. 28). По сути, к такому же выводу приходит и А.Н. Олейник: проводя институциональный анализ распространения тюремной субкультуры в советском, а затем в российском обществе, он рассматривает, в том числе, матрицы соотношения межличностного и институционального доверия для социума в целом и для тюремного социума и приходит к заключению, что оба варианта социума находятся в постсоветской России в состоянии низкого межличностного и институционального доверия, когда социальные взаимодействия в обществе оказываются практически парализованы. В ситуации тюремного социума это ситуация «беспредела», чреватая социальным взрывом. Для социума в целом ситуация в начале 2000-х гг. (время написания статьи) характеризуется бездействием механизмов социального регулирования, однако фрагментация социума не позволяет сформироваться деятельному гражданскому обществу, способному к какому-либо изменению ситуации (Олейник, 2001, с. 46–47). Таким образом, социальная апатия, с одной стороны, дает временную фору для проведения преобразований и вместе с тем может создавать иллюзию, что преобразования не требуются.

Исследуя возможное влияние близости к бывшим пунктам ГУЛАГа на уровень социального доверия в современной России, М. Николова и коллеги приходят к выводу, что проживание в радиусе 10 км от бывших лагерей коррелирует не только с более низкой вероятностью участия граждан в голосованиях, но и в принципе с более низкой степенью социализации (более редкие контакты с окружающими, прежде всего соседями; менее вероятное членство в политических партиях). Одновременно не отмечено взаимосвязи между проживанием вблизи бывших лагерей и участием в коллективных действиях (подписании петиций, забастовках или демонстрациях). Авторы делают вывод, что репрессии наложили отпечаток не только на социальные нормы, но и на психологические аспекты жизни (недоверие к окружающим, прежде всего к близким и соседям) (Nikolova et al., 2022, p. 9)⁸.

⁸ Обзор литературы по проблематике влияния насилия на гражданское общество и политическую активность см.: (Zhukov, Talibova, 2018; Walden, Zhukov, 2020).

Обращает на себя внимание, что А.Н. Олейник приводит данные опросов 1998–1999 гг., согласно которым только около 33% россиян считают, что людям можно доверять (Олейник, 2001, с. 45). Двадцать лет спустя М. Николова и коллеги получают и используют в своих расчетах уровень доверия не более 26% (Nikolova et al., 2022, p. 9). Столь низкий уровень доверия препятствует нормальному функционированию рыночных механизмов, увеличивая транзакционные издержки и осложняя заключение сделок.

Отдельная тема – эффективность принудительного труда, особенно в высокотехнологичной экономике. С одной стороны, у нас есть успешный опыт «шарашек», закрытых КБ, в которых трудились ученые, решавшие прежде всего оборонные проблемы страны. Но будучи успешной с точки зрения решения проблем создания новых моделей вооружений, прежде всего, такая система оказалась не способна стимулировать инновации, способствующие повышению качества повседневной жизни населения. И вряд ли можно утверждать, что, оставаясь на свободе, С.П. Королев, советские авиаконструкторы или ученые иных специальностей меньше стремились бы к защите Родины и разработке и реализации своих идей (см.: Озеров, 1973; Копелев, 1990).

Комплексная систематизация выводов отечественных и зарубежных исследователей о последствиях использования системы принудительного труда, с нашей точки зрения, может быть полезна не только как аналитическое упражнение, но и при выработке современной социально-экономической политики на региональном и государственном уровнях.

В своем выступлении на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума президент В.В. Путин сформулировал задачу построения «экономики предложения», которая «предполагает масштабное наращивание производительных сил и сферы услуг, повсеместное укрепление инфраструктурной сети, освоение передовых технологий создание новых, современных индустриальных мощностей и целых отраслей. В том числе по тем направлениям, где мы пока не проявили себя должным образом. Но возможности для этого – научные возможности, творческий потенциал – у нас, конечно, имеются». И далее: «Российская экономика должна стать экономикой высоких заработных плат с новыми требованиями к системе профессионального образования, с повышением производительности труда, в том числе на основе автоматизации и новых систем управления, с качественными современными рабочими местами и условиями труда» (Отчет ТАСС..., 2023). Ни одна из этих целей невыполнима с привлечением принудительного труда. Инновационное развитие, непосредственно опирающееся на высокий уровень образования, несовместимо с использованием специалистов в качестве неквалифицированной рабочей силы. Экономия на оплате труда заключенных ведет к консервации неэффективных технологий, стимулирует психологию временного работника, отчужденного от результатов труда как на уровне непосредственного исполнителя, так и на уровне руководителя производства. Экономика предложения в условиях санкций предполагает наличие емкого внутреннего рынка и работающих механизмов материальной заинтересованности.

Опыт системы ГУЛАГа показывает, что краткосрочные результаты, достигаемые путем использования принудительного труда, чреваты на поколения растянувшимися негативными последствиями, трудно преодолимыми и тормозящими дальнейшее устойчивое развитие.

Список литературы

Аузан А.А., Бахтигараева А.И., Брызгалин В.А., Золотов А.В., Никишина Е.Н., Припузова Н.А., Ставинская А.А. Социокультурные факторы в экономике: пройденные рубежи и актуальная повестка // Вопросы экономики. 2020. № 7. С. 75–91. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-7-75-91

Ахметова У., Исмаилов С. Вопросы историографии формирования и функционирования системы ГУЛАГ // Вестник «Исторические и социально-политические науки». 2021. Т. 1. № 68. DOI: 10.51889/2021-1.1728-5461.29.

Бердинских В., Меньковский В. ГУЛАГ: идеология и экономика подневольного труда в XX веке / Федеральное агентство научных организаций. Ин-т языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Коми отделение Рос. исторического общества. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2017.

Бердинских В.А. ГУЛАГ: проблемы экономики (мини-монография) // Клио. 2014. № 6 (90). С. 60–77.

Быков Н.И., Каптерев П.Н. Вечная мерзлота и строительство на ней. М.: Трансжелдориздат, 1940. 350 с.

Воробьева Е.Е. Трансформация лагерной системы МВД СССР в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР «Об изменении строительной программы 1953 года» // Исторический журнал: научные исследования. 2021. № 1. С. 65–81. DOI: 10.7256/2454-0609.2021.1.34874.

Гайдар Е.Т. Аномалии экономического роста. М.: Евразия, 1997. 215 с.

Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе // Ab Imperio, Project MUSE. 2002. № 4. С. 15–42. DOI:10.1353/imp.

Гулаг. Экономика принудительного труда / Под ред. П. Грегори, Л.И. Бородкина, О.В. Хлевнюк. М.: РОССПЭН, 2008. 311 с.

Езерник Б. Голый остров: Югославский ГУЛАГ. М.: Лингвистика, 2018. 368 с.

Земсков В.Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 10–27; № 7. С. 3–16.

Иванова Г.М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М.: Наука, 2006. 438 с.

Кириллов В.М. Принудительный труд в СССР: историографический аспект // Уральский исторический вестник. 2017. № 3 (56). С. 81–89.

Копелев Л. Марфинская шарашка. // Вопросы литературы. 1990. № 7. С. 73–96.

Кузьмина М.А. Использование принудительного труда заключенных на «великих сталинских стройках» в Нижнем Приамурье (1929–1955 гг.). Дисс. ... канд. ист. н. Комсомольск-на-Амуре, 2004. 215 с.

Левада Ю. От мнений к пониманию. М.: Московская школа политических исследований, 2000. 576 с.

Нуреев Р.М. Командная экономика в индустриальную эпоху (на примере СССР) // Terra Economicus. 2012. Т. 10. № 4. С. 115–133.

Озеров Г. Туполевская шарага. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1973.

Barenberg A. Gulag Town, Company Town: Forced Labor and Its Legacy in Vorkuta. By Alan. The Yale-Hoover Series on Stalin, Stalinism, and the Cold War. New Haven, CT: Yale University Press, 2014. P. xvi+331.

Gershman C. A Voice from the North Korean Gulag // Journal of Democracy. 2013. Vol. 24. No. 2. P. 165–173. DOI: 10.1353/jod.2013.0027.

Goffman E. Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates. Harmondsworth: Penguin, 1968. P. 408.

Maksimova L.A. Contradictory Results of the GULAG Activities in the European North-East of the USSR // Journal of History Culture and Art Research. 2019. Vol. 8. No. 3. P. 376–388. DOI: 10.7596/taksad.v8i3.2097.

Markevich A. How Much Control is Enough? Monitoring and Enforcement under Stalin // Europe-Asia Studies. 2011. Vol. 63. No. 8. P. 1449–1468. DOI: 10.1080/09668136.2011.601116.

Markevich A., Mikhailova T. Economic geography of Russia // Center for Market Studies and Spatial Economics. Working paper. 2012.

Nikolova M., Popova O., Otrachshenko V. Stalin and the origins of mistrust // Journal of Public Economics. 2022. Vol.208. DOI: 10.1016/j.jpubeco.2022.104629.

Ofer G. Soviet Economic growth: 1928-1985 // Journal of Economic Literature. 1987. Vol. 25. No. 4. P. 1767–1833.

Round J. Marginalized for a Lifetime: The Everyday Experiences of Gulag Survivors in Post-Soviet Magadan // Geografiska Annaler. Series B. Human Geography. 2006. Vol. 88 (1). P 15–34. DOI: 10.1111/j.0435-3684.2006.00203.x.

Siddiqi A. Atomized urbanism: secrecy and security from the Gulag to the Soviet closed cities // Urban History. 2022. Vol. 49. Is. 1. P. 190–210. DOI: 10.1017/S0963926820000796.

Wu H.H., Slingerland T., Lizhi F. Laogai—The Chinese Gulag. New York: Routledge, 1992. P. 247. DOI: 10.4324/9780429499401

Zhukov Y.M., Talibova R. Stalin's terror and the long-term political effects of mass repression // Journal of Peace Research. 2018. Vol. 55. No. 2. P. 267–283. DOI: 10.1177/0022343317751261.

Максимова Л.А. Насильственная миграция и межкультурные связи на Европейском северо-востоке // Глобализация и устойчивое развитие Приполярного Севера. Материалы IX международной конференции по сотрудничеству приполярных университетов. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2005: URL: <https://rud.exdat.com/docs/index-759440.html> (дата обращения: 6.05.2022).

Олейник А.Н. «Жизнь по понятиям»: институциональный анализ повседневной жизни «российского простого человека». 2021: URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Oleinyk_2001_2.pdf (дата обращения: 10.07.2023).

Отчет ТАСС о выступлении президента В.В. Путина на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ). 2023: URL: <https://tass.ru/ekonomika/18041113> (дата обращения: 10.09.2023).

Barnes S.A. Death and Redemption: The Gulag and the Shaping of Soviet Society. Princeton University Press, 2011. DOI: 10.23943/princeton/9780691151120.001.0001: URL: <https://academic.oup.com/princeton-scholarship-online/book/15566> (дата обращения: 10.11.2022).

Carluccio A. The philosophy of work in the Gulag: two views in comparison // SHS Web Conf. International Scientific Conference: «Achievements and Perspectives of Philosophical Studies» (APPSCONF-2019). 2019. Vol. 72. DOI: 10.1051/shsconf /20197203011: URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/pdf/2019/13/shsconf_appsconf2019_03011.pdf (дата обращения: 20.01.2023).

RESULTS AND LESSONS OF GULAG SYSTEM IMPLEMENTATION IN HISTORICAL PERSPECTIVE

Tatiana A. Drobyshevskaya

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Economics

(Moscow, Russia)

Abstract

Today, in conditions of limited supply in the labor market both at the regional level and from the rostrum of the State Duma proposals are being made on the use of forced labor in the national economy. In this regard, it is important to return to the study of the historical experience of our country. The proposed work provides a comprehensive review of the results of studying the consequences of the use of forced labor within the framework of the economic system of the Gulag in modern scientific literature. The author argues that short-term results achieved through the use of forced labor are fraught with protracted negative consequences for generations, difficult to overcome and hindering further sustainable development.

Keywords: forced labor, consequences, historical perspective.

JEL: N300, O140, J230.

For citation: Drobyshevskaya, T.A. Results and Lessons of GULAG System Implementation in Historical Perspective. Scientific Research of Faculty of Economics. Electronic Journal, vol. 15, no. 4, pp. 22-34. DOI: 10.38050/2078-3809-2023-15-4-22-34.

References

Auzan A.A., Bakhtigaraeva A.I., Bryzgalin V.A., Zolotov A.V., Nikishina E.N., Pripuzova N.A., Stavinskaya A.A. Sotsiokul'turnye faktory v ekonomike: proydennye rubezhi i aktual'naya povestka. Voprosy ekonomiki. 2020. No. 7. P. 75–91. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-7-75-91 (In Russ.).

Akhmetova U., Ismailov S. Voprosy istoriografii formirovaniya i funktsionirovaniya sistemy GULAG. Vestnik «Istoricheskie i sotsial'no-politicheskie nauki». 2021. Vol. 1. No. 68. DOI: 10.51889/2021-1.1728-5461.29. (In Russ.).

Berdinskikh V., Men'kovskiy V. GULAG: ideologiya i ekonomika podnevol'nogo truda v XX veke / Federal'noe agentstvo nauchnykh organizatsiy. In-t yazyka, literatury i istorii Komi NTs UrO RAN. Komi otdelenie Ros. istoricheskogo obshchestva. Syktyvkar: IYaLI Komi NTs UrO RAN, 2017. (In Russ.).

Berdinskikh V.A. GULAG: problemy ekonomiki (mini-monografiya). Klio. 2014. No. 6 (90). P. 60–77. (In Russ.).

Bykov N.I., Kapterev P.N. Vechnaya merzlota i stroitel'stvo na ney. M.: Transzheldorizdat, 1940. 350 p. (In Russ.).

Vorob'eva E.E. Transformatsiya lagernoy sistemy MVD SSSR v sootvetstvii s Postanovleniem Soveta Ministrov SSSR «Ob izmenenii stroitel'noy programmy 1953 goda». Istoricheskiy zhurnal: nauchnye issledovaniya. 2021. No. 1. P. 65–81. DOI: 10.7256/2454-0609.2021.1.34874. (In Russ.).

Gaydar E.T. Anomalii ekonomicheskogo rosta. M.: Evraziya, 1997. 215 s. (In Russ.).

Gershenkron A. Ekonomicheskaya otstalost' v istoricheskoy perspective. Ab Imperio, Project MUSE. 2002. No. 4. P. 15–42. DOI:10.1353/imp. (In Russ.).

Gulag. Ekonomika prinuditel'nogo truda / Pod red. P. Gregori, L.I. Borodkina, O.V. Khlevnyuk. M.: ROSSPEN, 2008. 311 s. (In Russ.).

Ezernik B. Golyy ostrov: Yugoslavskiy GULAG. M.: Lingvistika, 2018. 368 s. (In Russ.).

Zemskov V.N. GULAG (istoriko-sotsiologicheskii aspekt). Sotsiologicheskie issledovaniya. 1991. No. 6. P. 10–27; No. 7. P. 3–16. (In Russ.).

Ivanova G.M. Istoriya GULAGa, 1918–1958: sotsial'no-ekonomicheskii i politiko-pravovoy aspekty. M.: Nauka, 2006. 438 p. (In Russ.).

Kirillov V.M. Prinuditel'nyy trud v SSSR: istoriograficheskii aspekt. Ural'skiy istoricheskiy vestnik. 2017. No. 3 (56). P. 81–89. (In Russ.).

Kopelev L. Marfinskaya sharashka. // Voprosy literatury. 1990. No. 7. P. 73–96. (In Russ.).

Kuz'mina M.A. Ispol'zovanie prinuditel'nogo truda zaklyuchennykh na «velikikh stalinskikh stroykakh» v Nizhnem Priamur'e (1929–1955 gg.). Diss. ... kand. ist. n. Komsomol'sk-na-Amure, 2004. 215 s. (In Russ.).

Levada Yu. Ot mneniy k ponimaniyu. M.: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy, 2000. 576 s. (In Russ.).

Nureev R.M. Komandnaya ekonomika v industrial'nyu epokhu (na primere SSSR). Terra Economicus. 2012. Vol. 10. No. 4. P. 115–133. (In Russ.).

Ozerov G. Tupolevskaya sharaga. Frankfurt-na-Mayne: Posev, 1973. (In Russ.).

Barenberg A. Gulag Town, Company Town: Forced Labor and Its Legacy in Vorkuta. By Alan. The Yale-Hoover Series on Stalin, Stalinism, and the Cold War. New Haven, CT: Yale University Press, 2014. P. xvi+331.

Gershman C. A Voice from the North Korean Gulag. Journal of Democracy. 2013. Vol. 24. No. 2. P. 165–173. DOI: 10.1353/jod.2013.0027.

Goffman E. Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates. Harmondsworth: Penguin, 1968. P. 408.

Maksimova L.A. Contradictory Results of the GULAG Activities in the European North-East of the USSR. Journal of History Culture and Art Research. 2019. Vol. 8. No. 3. P. 376–388. DOI: 10.7596/taksad.v8i3.2097.

Markevich A. How Much Control is Enough? Monitoring and Enforcement under Stalin. Europe-Asia Studies. 2011. Vol. 63. No. 8. P. 1449–1468. DOI: 10.1080/09668136.2011.601116.

Markevich A., Mikhailova T. Economic geography of Russia // Center for Market Studies and Spatial Economics. Working paper. 2012.

Nikolova M., Popova O., Otrachshenko V. Stalin and the origins of mistrust. Journal of Public Economics. 2022. Vol.208. DOI: 10.1016/j.jpubeco.2022.104629.

Ofer G. Soviet Economic growth: 1928–1985. Journal of Economic Literature. 1987. Vol. 25. No. 4. P. 1767–1833.

Round J. Marginalized for a Lifetime: The Everyday Experiences of Gulag Survivors in Post-Soviet Magadan. Geografiska Annaler. Series B. Human Geography. 2006. Vol. 88 (1). P. 15–34. DOI: 10.1111/j.0435-3684.2006.00203.x.

Siddiqi A. Atomized urbanism: secrecy and security from the Gulag to the Soviet closed cities. *Urban History*. 2022. Vol. 49. Is. 1. P. 190–210. DOI: 10.1017/S0963926820000796.

Wu H.H., Slingerland T., Lizhi F. *Laogai—The Chinese Gulag*. New York: Routledge, 1992. P. 247. DOI: 10.4324/9780429499401

Zhukov Y.M., Talibova R. Stalin's terror and the long-term political effects of mass repression. *Journal of Peace Research*. 2018. Vol. 55. No. 2. P. 267–283. DOI: 10.1177/0022343317751261.

Maksimova L.A. Nasil'stvennaya migratsiya i mezhdunarodnyye svyazi na Evropeyskom severo-vostoke // *Globalizatsiya i ustoychivoe razvitie Pripolyarnogo Severa. Materialy IX mezhdunarodnoy konferentsii po sotrudnichestvu pripolyarnykh universitetov*. Petrozavodsk: Izdatel'stvo PetrGU, 2005: Available at: <https://rud.exdat.com/docs/index-759440.html> (accessed: 6.05.2022). (In Russ.).

Oleynik A.N. «Zhizn' po ponyatiyam»: institutsional'nyy analiz povsednevnoy zhizni «rossiyskogo prostogo cheloveka». 2021: Available at: http://www.civisbook.ru/files/File/Oleinyk_2001_2.pdf (accessed: 10.07.2023). (In Russ.).

Otchet TASS o vystuplenii prezidenta V.V. Putina na plenarnom zasedanii Peterburgskogo mezhdunarodnogo ekonomicheskogo foruma (PMEF). 2023: Available at: <https://tass.ru/ekonomika/18041113> (accessed: 10.09.2023). (In Russ.).

Barnes S.A. *Death and Redemption: The Gulag and the Shaping of Soviet Society*. Princeton University Press, 2011. DOI: 10.23943/princeton/9780691151120.001.0001: Available at: <https://academic.oup.com/princeton-scholarship-online/book/15566> (accessed: 10.11.2022).

Carluccio A. The philosophy of work in the Gulag: two views in comparison // *SHS Web Conf. International Scientific Conference: «Achievements and Perspectives of Philosophical Studies» (APPSCONF-2019)*. 2019. Vol. 72. DOI: 10.1051/shsconf /20197203011: Available at: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/pdf/2019/13/shsconf_appsconf2019_03011.pdf (accessed: 20.01.2023).